

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Герцен и Чернышевский

Сближение этих двух имен невольно напрашивается для всякого, знакомого с историей нашей общественной мысли. Герцен и Чернышевский являются создателями и самыми выдающимися представителями русского социализма в специфическом значении этого слова. Оба они были любимыми учителями и вождями нашей интеллигенции и оба тяжело поплатились за верность своим общественным идеалам, оба доказали всей своей жизнью одушевлявший их моральный пафос и способность к героическому самопожертвованию. И их общее мировоззрение обнаруживает так много общих черт, что, при недостаточном углублении в тонкие особенности воззрений того и другого можно совсем не заметить характерных для них различий и рассматривать Герцена и Чернышевского как выразителей одного и того же общественного типа.

Действительно, общественные программы Герцена и Чернышевского сходны по самым существенным пунктам. И Герцен, и Чернышевский в равной мере возлагали надежды на русскую общину и видели в ней ячейку социалистического строя. Русский крестьянин был центром их общественных надежд; будучи убежденными западниками, они в то же время видели сильные стороны и в славянофильстве. Придавая первенствующее значение социальным реформам, они понимали, что без коренного преобразования русского

политического строя и достижения политической свободы невозможно никакое прочное улучшение экономического положения русского мужика.

Наконец, что касается самых глубоких основ их мировоззрения, оба они были убежденными индивидуалистами. Верховной ценностью мира они признавали человеческую личность; возможно полная свобода развития человеческой индивидуальности была, в их глазах, конечной целью общественного союза; если они были социалистами, то именно потому, что только социализм мог в их глазах обеспечить человечеству эту свободу.

И, однако, несмотря на эту близость в стольких существенных пунктах, друг в друге они не видели близких людей. Чернышевский приезжал в Лондон со специальной целью личного свиданья с Герценом. Необходимость в этом свидании, была вызвана полемикой Герцена с «Современником». В № 44 «Колокола» появилась статья Герцена, в которой Герцен очень резко нападал на кружок Чернышевского. «Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований, — писал он, — и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над обличительной литературой и над неудачными опытами гласности <...> Не лучше ли, господа, вместо освистывания неловких опытов вывести на торную дорогу самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью... мало ли на что вам есть точить желчь». Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы забывают, что на этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина — и Греча, но и (чего Боже сохрани) до Станислава на шею».

Личное свидание не только не привело к сближению Герцена с Чернышевским, но окончательно разъединило их. Они почувствовали, что они люди совершенно различного душевного склада. Сын священника, Чернышевский увидел в знаменитом эмигранте человека, несомненно, очень умного, но «отсталого» «московского барина». А Герцен охарактеризовал Чернышевского, как «желчевика», одного из тех людей, которые напоминает, «монахов, из любви к ближним доходящих до ненависти ко всему человеческому и проклиняющих все на свете из желания что-нибудь благословить».

Такая неспособность к взаимному пониманию не могла не указывать на наличие глубоких различий взглядов. И, действительно, оба великих социалиста представляли собой крайние противоположности индивидуалистического мировоззрения. И тот и другой были индивидуалистами, но индивидуалистами совершенно различного типа. Есть индивидуализм и индивидуализм. Индивидуалистическое мировоззрение признает верховной ценностью человеческую личность. Но что такое человеческая личность? Под человеческой личностью можно понимать, во-первых, индивидуального человека во всем его конкретном своеобразии. Каждый человек есть единственный в своем роде и замкнутый в себе бесконечно сложный мир, микрокосм, однажды возникший во времени по непонятным для нас законам вселенной и никогда не имеющий повториться. Этот микрокосм, носителем которого является каждый человек, имеет сам по себе бесконечную ценность, по той простой причине, что он есть нечто единственное в своем роде во всей Вселенной и ничем не может быть заменен. С этой точки зрения, личность одного человека имеет такую же бесконечную ценность как и личности многих людей, а так как бесконечность, умноженная на любое число, остается той же бесконечностью, то ценность одного человека не меньше, чем всего человечества. Каждый человек должен иметь возможность развивать все особенности своей личности во всем их своеобразии и многогранности, ибо сглаживание, уменьшение этой многогранности равносильно оскудению личности.

Верховной целью человеческого общежития является достижение не наибольшего счастья большинства, но наибольшей высоты человеческой личности, наибольшего внутреннего богатства духовного содержания человека.

Если счастье большинства покупается на счет сокращения индивидуальных особенностей людей, на счет обезличивания человека, то оно не получает санкции индивидуалистического идеала, требующего, чтобы человеческая личность беспрепятственно развивала все бесконечное богатство своих индивидуальных черт.

Индивидуализм этого типа отстаивает права меньшинства от посягательств большинства, права каждой

человеческой личности против массы, права отдельного индивида против толпы, поэтому этот вид индивидуализма, который может быть назван конкретным индивидуализмом, может принимать аристократический характер, как, например, у Ницше, который во имя свободы развития личности немногих избранных выражал полное презрение к интересам остального большинства, человеческой толпы. Но, по существу, этот индивидуализм вовсе не должен с необходимостью приводить к аристократическому мировоззрению, так как можно считать допустимым достижение свободы отдельных личностей без всякого ущерба для интересов большинства. Поэтому на почве такого индивидуализма может стоять как убежденный социалист, так и не менее убежденный враг социализма. Герцен и был чрезвычайно ярким выразителем индивидуализма этого типа. Он был безусловным социалистом, но, в то же время, его всего более страшило господство толпы, всеобщей посредственности, подавление индивидуальности, таланта ради благополучия большинства. Это господство толпы он выражал термином «мещанство», и торжество мещанства ему казалось величайшей опасностью для человеческой культуры. Он предвидел возможность мещанского социализма, но социализм, по его представлению, мог получить осуществление и в другой форме, совершенно чуждой обезличения человека, и за такой социализм он всеми силами боролся.

Но есть индивидуализм и иного типа. Этот второй тип индивидуализма равнодушен к особенностям каждого человека и видит в человеческой личности просто общественный атом, единственную реальность человеческого общества. Человеческое общество состоит из отдельных личностей, и каждый отдельный человек в этом отношении равен другому. Своеобразие отдельных людей не представляет само по себе какой-либо самостоятельной ценности и поэтому, если интересы большинства требуют жертвования этим своеобразием, то общество должно смело решаться на это. Счастье большинства — вот верховный критерий, которым должна измеряться ценность всякого общественного строя.

Ценность морали, равно как и всей высшей культуры, определяется этим же критерием, и страх перед господством

толпы указывает лишь на равнодушие к интересам большинства, на аристократическое презрение к среднему человеку, характерное для представителей господствующих классов современного общества, привыкших к эксплуатации рабочей массы в своих интересах.

Этот второй вид индивидуализма, который может быть назван абстрактным индивидуализмом, так как он ценит человеческую личность лишь как общественный атом, как нечто общее всем людям, отвлекаясь от их индивидуальных особенностей, имеет всегда демократический характер и легко приводит к социалистическому мировоззрению. На почве этого абстрактного индивидуализма стоял Чернышевский, составляя в этом отношении резкую противоположность Герцену. Люди таких разных мировоззрений не могли понимать друг друга. Каждый видел в другом лишь его слабые стороны, принимавшие особенно резкий характер на фоне противоположного мировоззрения. Герцен казался Чернышевскому прежде всего барином, аристократом. И, действительно, известный аристократизм был присущ Герцену, но это был аристократизм духа, аристократизм человека огромного таланта, утонченной духовной культуры, не мирящейся с ее отрицанием. Чернышевский же казался Герцену представителем мещанского социализма, враждебного всякой сложности и всякому разнообразию жизни, исполненного демократической зависти ко всякому таланту, ко всякому превосходству.

1912

